

НОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СКРИНИНГА ПРЯМЫХ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ И ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

Л. Л. Разумнова, Т. Е. Мигалева

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
Москва, Россия

Статья посвящена принятию нового рамочного регулирования прямых иностранных инвестиций (ПИИ) Европейского союза в условиях формирования полицентричной системы международных отношений и переконфигурации сил глобальных игроков, что сопровождается ослаблением позиций Евросоюза на мировом рынке и усилением КНР как новой супердержавы. В этих условиях ЕС стремится укрепить экономическую безопасность и повысить конкурентоспособность экономики, защитив сферы критической инфраструктуры и высоких технологий от установления внешнего контроля. Авторами дан краткий анализ геополитических, экономических и политических факторов, определивших специфику нового инвестиционного законодательства ЕС. Сделана оценка масштабов и структуры китайских ПИИ в экономике Евросоюза, выявлены особенности процесса взаимного аутсорсинга политических ценностей ЕС и КНР. Как показал проведенный анализ, наращивая свое присутствие в ЕС, КНР использует, помимо больших финансовых возможностей, дифференциацию приоритетов во внешней и внутренней политике стран-членов, наличие внутренних европейских противоречий и фрагментированность законодательства ЕС. На основе изучения текста рамочного Регламента 2019/452 описаны основные элементы и процедуры, идентифицированы противоречия, содержащиеся в создаваемом механизме инвестиционного отбора. Доказывается, что выявленные противоречия, включая большое количество разнообразных согласований и вовлеченных в данный процесс институциональных единиц, сохранение национальных приоритетов при принятии окончательных решений в отсутствие многих необходимых для функционирования скрининга ПИИ системных элементов и др., препятствуют созданию эффективно функционирующей наднациональной системы контроля европейских ПИИ. Сделан вывод о том, что внедрение Регламента может негативно повлиять на приток российских инвестиций в Европу. В то же время Россия не способна оказать влияние на формирование данного механизма скрининга, так как ее роль ограничена рамками европейской политики частичной коммуникационной изоляции. В долгосрочной перспективе жесткость применения инвестиционного регулирования ЕС будет зависеть от того, какую конфигурацию примет противостояние США – ЕС – Россия.

Ключевые слова: парадигма национальной безопасности, общественный порядок, стратегическая угроза, постбиполярный мир, мировой порядок, критическая инфраструктура, чувствительные технологии, аутсорсинг политических ценностей, концепция стрессоустойчивости, скрининговый механизм, процедуры инвестиционного скрининга.

NEW REGULATION OF DIRECT FOREIGN INVESTMENT SCREENING IN THE EUROPEAN UNION AND INTERESTS OF RUSSIA

Lyudmila L. Razumnova, Tatiana E. Migaleva

Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia

The article deals with adoption of a new framework regulation of direct foreign investment (DFI) of the European Union in condition of shaping a polycentric system of international relations and re-balancing of global players' forces, which is accompanied by weakening the positions of the EU on global market and strengthening China as a new superpower. In this situation the EU tries to reinforce economic security and raise competitiveness of economy

by protecting the sphere of critical infrastructure and high technologies against external control. The authors provide a brief analysis of geopolitical, economic and political factors, which determined specific features of new EU investment legislation. The scale and structure of Chinese DFI in EU economy were estimated and specificity of the process of mutual outsourcing of EU and China political values was identified. According to the analysis, China that increases its presence in the EU, apart from big finance possibilities uses differentiation of priorities in foreign and home policy of member-states and internal European contradictions and fragmentation of EU legislation. By using the text of the framework Regulation 2019/452 key elements and procedures were described and contradictions in the mechanism of investment selection being designed were found. It is proved that these contradictions, including numerous different agreements and institutional units involved in the process, keeping national priorities in making final decisions in the absence of necessary for DFI screening function system elements and others hinder the creation of the efficiently functioning supranational system of European DFI control. A conclusion was drawn that introduction of the Regulation can have a negative effect on the inflow of Russian investment to Europe. At the same time Russia cannot affect designing of this screening mechanism, as its role is limited by the frameworks of European policy of partial communication isolation. In the long-term the toughness of using investment regulation in the EU will depend on the outline of the US – EU – Russia confrontation.

Key words: national security paradigm, public order, strategic threat, post-bipolar world, global order, critical infrastructure, sensitive technologies, political value outsourcing, concept of stress-resistance, screening mechanism, procedures of investment screening.

...Европа находится ныне в подвешенном состоянии между прошлым, которое пытается преодолеть, и будущим, которое она для себя еще не определила.

Генри Киссинджер

Как бы ни складывалась геополитическая картина мира в прошлом и какие бы перемены не ожидали его в будущем, Россия была и всегда будет Европой.

Николай Шмелев

Введение

Принятый 19 марта 2019 г. рамочный Регламент ЕС о создании системы проведения скрининга (фильтрации) прямых иностранных инвестиций вступает в силу 11 октября 2020 г., что существенным образом изменит условия вложения капитала из третьих стран в экономики государств – членов ЕС¹. Цель данной статьи – краткий анализ предпосылок внедрения этого закона, изучение возможных противоречий имплементации новых правил инвестирования и последствий для России. Проведенный анализ базируется на результатах аналитических исследований Европейской комиссии (ЕК), Европарламента, Института исследований Китая Mercator в Берлине (Mercator Institute for China Studies – MERICS), аналитической группы Rhodium Group, научных публикациях Института Европы и Института мировой экономики и международных отношений РАН.

Геополитические, экономические и политические факторы разработки нового инвестиционного законодательства ЕС

Развитие инвестиционного законодательства ЕС происходит в эпоху формирования полицентричного (постбиполярного) мира, принципиальное отличие которого от предшествующих структур миропорядка (эпохи империй, концертов держав или сверхдержав) заключается в том, что мир перестает быть не только европо- или американоцентричным, но и с 2001 г. евроатлантическим [3. – С. 141]. Степень влияния на ход региональных и мировых дел зависит уже не столько от принуждения, сколько от привлекательности той или иной модели развития, включая различные инструменты мягкой или умной силы [25. – С. 30]. Политическое взаимодействие стран происходит на основе международного права с его фундаментальным носителем – Уставом ООН, который играет роль смиренной рубашки, скрывающей намерения тех, кто хотел бы

¹ URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/ES/TXT/PDF/?uri=CELEX:31995D0477&from=EN>

действовать, невзирая на рамки общепринятых правил [3. – С. 433].

Как отмечает Ал. А. Громыко, возникающая полицентричность характеризуется неоднородностью распределения силовых полей политического, экономического и иного влияния, препятствующего чрезмерному усилению того или иного претендента на особый статус сверхдержавы, и низкой вероятностью появления на трансрегиональном и глобальном уровне новых гегемонов. К моменту распада биполярного мира Европейский союз (Малая Европа), создав общее экономическое пространство, единый рынок свободного перемещения рабочей силы, товаров, капитала, услуг и отработав в концептуальном плане вопросы дальнейшей интеграции в сфере политики, безопасности и обороны, превратился в экономического и торгового гиганта. Одновременно складывается общеевропейский социум, который основан на негативном отношении к национализму и стремлении к дальнейшему развитию федерализма, предполагающему постепенное исчезновение государственных границ и правосубъектности [3. – С. 435–443; 25. – С. 9].

Наряду с этими позитивными процессами наблюдается постепенное размывание различных внутренних и внешних форматов национальной безопасности ЕС как части Большой Европы: политических, экономических, социальных, идеологических, экологических, климатических, связанных с учащающимися трансграничными эпидемиями. Среди факторов «эрозии» форматов безопасности ЕС в условиях постбиполярного мира следует отметить политику расширения НАТО на Восток и рост количества стран, обладающих ядерным оружием и разрабатывающих его (Индия, Пакистан, Северная Корея, Иран). К ним же относятся частый отказ ряда европейских государств и США от инструментов мягкой силы во внешней политике; включение Украины в политическую зону влияния ЕС и игнорирование российских интересов; использование антироссийских

санкций в обход Совета Безопасности ООН; развитие процессов депопуляции в ряде стран ЕС; неконтролируемый или слабоконтролируемый процесс миграции в страны ЕС беженцев из Ближнего Востока и других регионов Азии и Африки; усиление страновых социально-экономических диспаритетов, усугубляющихся нерешенной проблемой высоких бюджетных дефицитов и ответными мерами государственной политики жесткой экономии; рост нового политического популизма и протестных настроений населения, воспринимающего текущую ситуацию как нарушение сложившегося после Второй мировой войны социального контракта; усиление конкуренции различных центров силы и возврат к новой холодной войне – гонке вооружений, кибервойнам, росту протекционистских настроений и идеологическому противостоянию; неудачи в борьбе с трансрегиональным терроризмом [4. – С. 9–13; 24].

К середине текущего десятилетия экономика Евросоюза оказалась охваченной системным кризисом, который включает одновременно кризис конкурентоспособности, финансовый кризис и кризис рынков. Его причинами стали недостаточное финансирование инновационных отраслей, быстрый рост суверенных долгов, неспособность адекватно оценить риски вследствие усиливающейся фрагментации национальных финансовых рынков [12. – С. 78]. Так, в 2013–2014 гг. государственный долг ЕС достиг 92% ВВП, глобальный индекс конкурентоспособности (в диапазоне от 3,93 до 5,48, за исключением Финляндии и Германии – 5,54 и 5,51 соответственно) уступил показателю США (5,48).

Банковский кризис 2012 г. и трансформация функций Европейского центрального банка привели к деформации механизма трансмиссии сбережений в инвестиции. С момента введения в наличный оборот евро доля стран еврозоны в мировой валютной торговле сократилась с 14,2 до 8,2%, одновременно удельный вес использующих евро стран – с 20 до 15%.

В дальнейшем этот показатель может уменьшиться до 10%. Привлекательность евро для центральных банков снижается в условиях отрицательных валютных ставок. В то же время европейские страны оплачивают 80% своего энергетического импорта не в евро, а в долларах США [12. – С. 80–83].

Посткризисное ослабление экономики Европы сопровождается ростом влияния популистских партий и крайне правых настроений, а также усилением голосов евроскептиков.

Достигнутая в 2018 г. макроэкономическая стабильность в ЕС после завершения политики количественного смягчения остается неустойчивой. По сравнению с 2014 г. государственный долг сократился незначительно – до 85%, темпы роста составили всего 1,9% против аналогичного показателя в США, равного 2,9%, при этом подорвано доверие к банковской системе. В настоящее время в целях устойчивого и сбалансированного финансирования инвестиций ЕС вынужден проводить модернизацию модели финансовой интеграции на основе создания Европейского валютного фонда, Банковского союза и Союза рынка капитала. После выхода Великобритании из ЕС в феврале 2020 г. он будет вынужден проводить дополнительные структурные изменения на европейском финансовом рынке, связанные с сохранением доминирующего положения Лондона в мировой финансовой институциональной архитектуре.

Интеграционное единство Европы ослабляется за счет накопившихся старых и новых противоречий между членами Евросоюза. Так, Германия подвергается жесткой критике со стороны европейских партнеров из-за разногласий по поводу миграционной политики, оборонного курса, политики жесткой экономии (в частности, в отношении Греции), строительства российского морского газопровода «Северный поток – 2». Греция и Польша выдвигают требования выплаты военных репараций [17. – С. 10–13]. Как будет показано далее, несогласованность между госу-

дарствами наблюдается также в отношении опасности нарастающего присутствия китайского капитала в экономике ЕС.

По мнению Генри Киссинджера, многие проблемы современной Европы как нового элемента глобальной кавер-версии вестфальской системы стали порождением политического устройства ЕС, которое представляет собой гибрид, институционально нечто среднее между государством и конфедерацией, больше похожее на Священную Римскую империю, чем на Европу девятнадцатого века. И именно эта двойственность определяет возможность одновременного существования валютного союза при фискальном разнообразии, бюрократии, плохо сочетающейся с демократией, космополитической идентичности, конкурирующей с национальными лояльностями, экуменического подхода, допускающего наличие движений за автономию, и др. [6. – С. 125–128]. Ключевая проблема ЕС, если сформулировать кратко, сводится к отсутствию полноценной политической субъектности, ограничивающей способность проводить единую внешнюю и внутреннюю политику.

Как пессимистично отмечает член-корреспондент РАН В. П. Фёдоров в коллективной монографии, «на наших глазах происходит крушение Европы, и остановить этот процесс не представляется возможным... Ирония истории состоит в том, что интеграционная Европа вернулась в колониальные времена, но не в качестве повелителя, а в качестве страдающего субъекта... Потеря динамики уменьшает возможности европейского влияния на остальной мир» [5. – С. 367].

Китайские ПИИ в экономике ЕС

Принятию нового инвестиционного регулирования ЕС предшествовало проведение масштабных страновых исследований Института исследований Китая Mercator в Берлине (MERICS) и Rhodium Group, предметом которых стали экономические и политические последствия роста китайских ПИИ в экономиках стран ЕС. Резуль-

таты исследований были опубликованы в ряде докладов 2018–2019 гг. Согласно данным исследованиям прямые инвестиции

КНР в ЕС в 2010–2018 гг. выросли с 2,1 до 17,3 млрд евро, достигнув максимума в 37,2 млрд евро в 2016 г. (рис. 1).

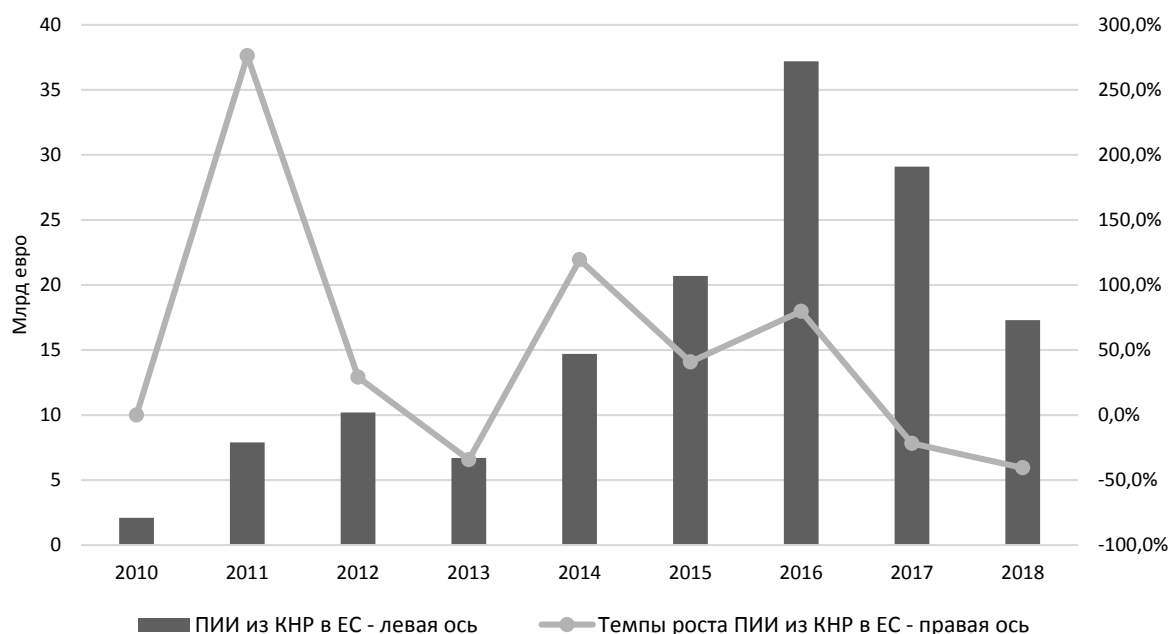

Рис. 1. Динамика китайских ПИИ в ЕС в 2010–2018 гг.

Источник рис. 1–4: URL: <https://rhg.com/wp-content/uploads/2019/03/RHG-MERICS-COFDI-Update-2019.pdf> (дата обращения: 20.01.2020).

Абсолютное снижение вложений (в 2017 г. – 29,1 млрд евро, в 2018 г. – 17,3 млрд евро) было вызвано начавшимся в 2016 г. ужесточением режима контроля над ПИИ в некоторых государствах ЕС. Так, по оценкам, в 2018 г. китайские инвесторы впервые деинвестировали существенную долю активов в ЕС в объеме около 4 млрд евро. Наиболее существенное снижение ПИИ было отмечено в транспортном сегменте, коммунальных компаниях, инфраструктурных проектах, жилищном секторе и ряде других отраслей. Как показали исследования MERICS, интересы принимающих китайский капитал стран ЕС достаточно разнообразны и включают создание и/или поддержание рабочих мест, привлечение капитала в НИОКР и процесс внедрения инноваций, рост национального богатства и бюджетных средств за счет

увеличения налоговых поступлений, создание новых возможностей для проникновения европейских фирм на рынок КНР и третьих стран, строительство и модернизацию инфраструктуры, внедрение новых технологий и инновационных бизнес-моделей, расширение сотрудничества в области решения глобальных проблем, усиление протекционизма и др.

Более детальный анализ мотивов европейских компаний позволил выявить тот факт, что продажа действующих предприятий китайским инвесторам производится не только с целью получения прибыли, но и с намерением высвободить капитал для реализации новых проектов [13]. Для привлечения иностранного капитала из третьих стран члены ЕС используют различные специфические страновые преимущества: льготную налоговую систему вмененного

процента (*national interests*), удобную логику и статус делового международного центра, как, например, в Бельгии.

Большая часть прямых иностранных инвестиций из КНР в 2017 г. (70%) и 2018 г. (45%) поступила в три страны ЕС – Великобританию, Германию и Францию.

Крупнейшие доли накопленных ПИИ за 2000–2018 гг. объемом 152 млрд евро приходятся на Великобританию (46,9 млрд евро, или 31%), Германию (22,2 млрд евро, 15%), Италию (15,3 млрд евро, 10%) и Францию (14,3 млрд евро, 10%) (рис. 2).

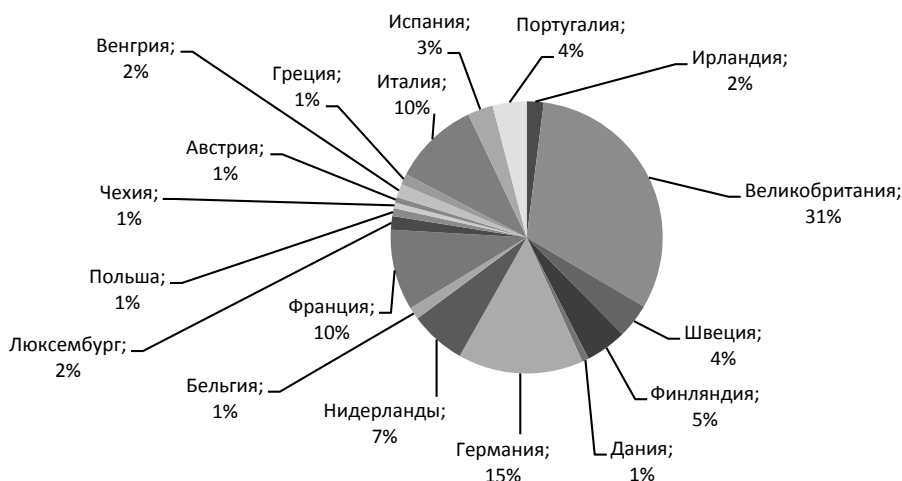

Рис. 2. Накопленный объем китайских ПИИ в 2000–2018 гг. странами ЕС, исключая страны с объемом ПИИ менее 1 млрд евро

Следуя долгосрочной цели достижения лидерства в четвертой промышленной революции и сохраняя ограниченную открытость экономики, Китай в течение последнего десятилетия усиливал свою активность в Европе по таким направлениям, как приобретение ключевых технологических разработок, научное сотрудничество, участие в региональных организациях, публичная дипломатия.

Особый интерес для КНР представляют узкие сферы инвестиционного сотрудничества, включая устойчивое развитие и зеленые инвестиции (городская инфраструктура, транспорт), что отвечает целям достижения глобального лидерства КНР в этих сферах. Сравнение отраслевой структуры инвестиционных вложений в 2017 и 2018 гг. свидетельствует о диверсификации китайских ПИИ и росте интереса к секторам автомобилестроения, здравоохранения и биотехнологий (БТ), финансов и бизнес-услуг (рис. 3 и 4).

В условиях нарастания глобальной неопределенности и обострения конкурентной борьбы между основными экономическими центрами Китай, помимо доступа к европейским высокотехнологичным активам, ноу-хау, рынкам товаров и услуг, заинтересован:

- в использовании европейских корпоративных сетей для проникновения на рынки третьих стран, в том числе в регионы Латинской Америки и Африки;
- приобретении известных торговых марок;
- включении в интегрированные региональные и глобальные производственно-сбытовые цепочки в сфере промышленности, НИОКР и транспорта;
- получении возможности развивать бизнес в стабильной правовой и политической среде и, что существенно, в приобретении политического и дипломатического влияния на один из крупнейших регионов мира.

По мнению Лю Цзуокуй, начало ужесточению контроля стран ЕС над инвестициями из КНР положил рабочий документ Европейской комиссии о предполагаемых значительных искажениях в экономике Китая в результате вмешательства государства в лице КПК в процесс ее регулирования от 20 декабря 2017 г., в котором ЕС отказывается признать полный рыночный статус экономики Китая, сохраняет торго-

вые ограничения по ряду товаров (сталь, алюминий, фотоэлектрические элементы и др.) и право на проведение антидемпинговых расследований, заявляет о необходимости подвергать более строгой проверке инвестиции государственных предприятий КНР и сделки по слияниям и поглощениям с участием китайских инвесторов [20].

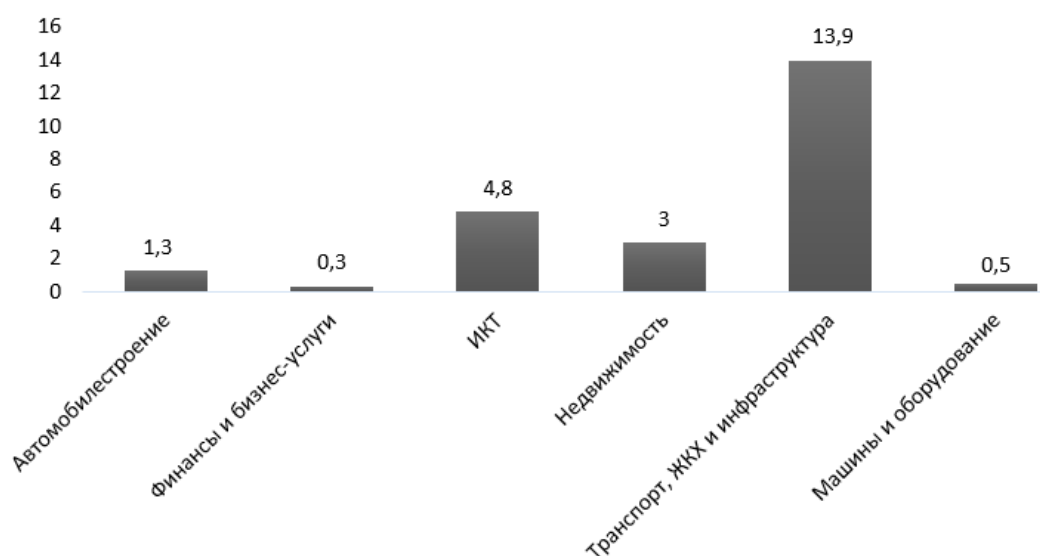

Рис. 3. Отраслевая структура китайских ПИИ в ЕС в 2017 г. (в млрд евро)

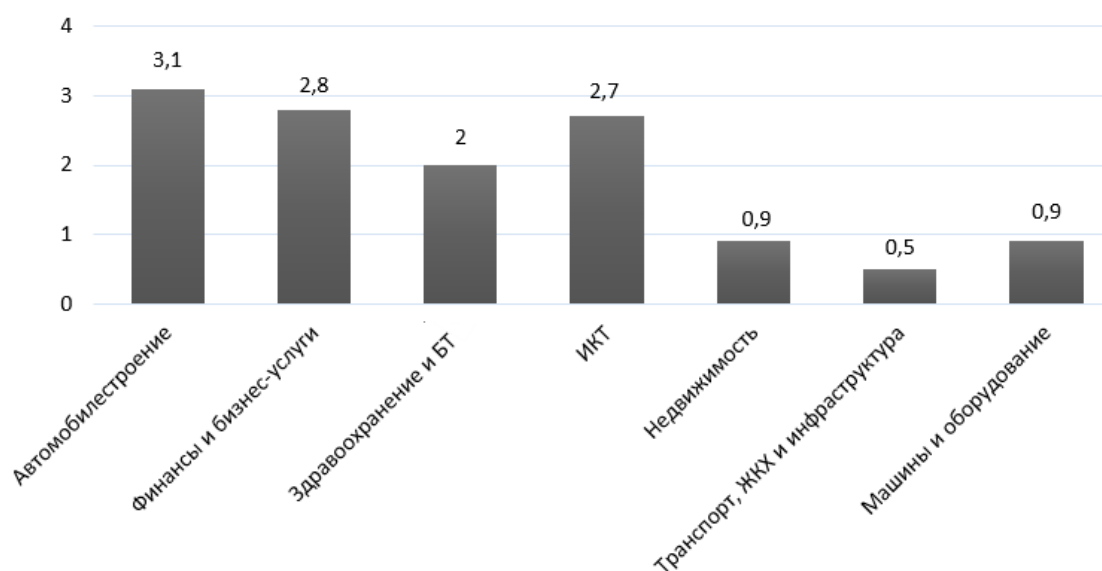

Рис. 4. Отраслевая структура китайских ПИИ в ЕС в 2018 г. (в млрд евро)

Детальный анализ инвестиционных сделок по странам – членам ЕС позволил европейским экспертам выявить другие факты, которые породили особое беспокойство политических кругов Евросоюза, включая:

- отсутствие взаимности и честной конкуренции со стороны китайских партнеров;
- возникновение рисков снижения национальной конкурентоспособности и утраты технологического лидерства ЕС;
- потерю контроля над объектами критической инфраструктуры и чувствительными технологиями;
- использование инвестиций в качестве источника политического и геополитического влияния КНР в странах Европы;
- обострение внутриевропейской конкурентной борьбы за привлечение иностранных инвестиций и др.

Несмотря на ужесточение контроля, объем китайских прямых иностранных инвестиций в Европейский союз считается заниженным, что определяется такими факторами, как:

- использование налоговой оптимизации при проведении международных сделок M & A;
- ошибочный учет чистых потоков ПИИ как внутрикорпоративных переводов;
- отсутствие механизма согласования при подсчете ПИИ на внутристрановом (при включении ПИИ в платежные балансы) и двустороннем (между ЕС и КНР) уровнях;
- неиспользование дополнительных источников для верификации данных ПИИ в процессе агрегирования показателей экспертами МВФ, ОЭСР и ЮНКТАД¹.

Евростат, считающийся основным источником в исследованиях китайских ПИИ в ЕС экспертами MERICS и Rhodium Group, корректирует показатели, используя дополнительную информацию цен-

тральных банков и статистических агентств, однако его данные также существенно расходятся с китайской статистикой. Так, в 2015 г. это расхождение составило 20 млрд евро.

Дальнейшая динамика китайских ПИИ в ЕС определяется разнонаправленными факторами. С одной стороны, вследствие принятия некоторыми странами Евросоюза национальных систем регулирования ПИИ и вступления в силу общего регулирования в 2020 г. ожидается ужесточение контроля над капиталом из Китая и снижение притока китайских инвестиций. Планируется, что тщательной проверке будут подвергнуты ПИИ в трех сферах:

- чувствительные секторы экономики ЕС, включая критические технологии и инфраструктуру;
- сделки, осуществляемые подконтрольными государству организациями КНР;
- инвестиции, поддерживаемые китайскими государственными программами.

С другой стороны, сохраняющаяся напряженность в отношениях между США и Китаем, расширение инвестиционного контроля над китайскими компаниями в США и подготовка второго этапа переговоров по заключению американо-китайской торговой сделки могут стимулировать инвесторов из Поднебесной увеличить финансовые вложения в европейскую экономику.

Аутсорсинг политических ценностей ЕС и КНР

Результаты исследования масштабов китайских прямых иностранных инвестиций в экономиках стран Европейского союза заставили экспертов обратить особое внимание не только на проблему экономического влияния КНР на ЕС, но и на более широкий спектр вопросов, затрагивающих судьбу европейских политических ценностей в долгосрочной перспективе. В последние годы оба партнера пытаются использовать различные инструменты

¹ URL: https://www.clingendael.org/sites/default/files/2017-12/ETNC_Report_2017.PDF (дата обращения: 01.09.2019).

мягкой силы для продвижения (или аутсорсинга) своих политических ценностей.

Среди стран Европейского союза наблюдаются существенные различия в наборе политических действий, которые группируются в четыре модели:

- активные и громкие («мегафонная дипломатия»);
- активные и сдержанные;
- пассивные;
- пассивные и потенциально противодействующие.

К первой модели относят действия Германии, Швеции и Соединенного Королевства, которые применяют самый широкий спектр мер в отношении КНР и часто критикуют Китай как публично, так и по дипломатическим каналам. Более сдержанную политику проводят Бельгия, Дания, Франция, Нидерланды и Норвегия, активно заявляя о своей озабоченности по поводу прав человека и верховенства закона в Поднебесной, но избегая двусторонней «мегафонной дипломатии». Чехия, Латвия, Польша, Португалия, Румыния и Испания, как правило, избегают публичной критики, за исключением случая, когда Чехия в 2017 г. подписала заявление, осуждающее нарушение прав человека в Китае. Пассивную, а иногда и альтернативную политику проводят Венгрия, Италия, Хорватия и Греция.

Зачастую попытки стран Евросоюза оказывать давление на китайские власти, нарушающие европейские принципы демократии, приводят к активному противодействию со стороны Поднебесной и, как следствие, отказу отдельных государств-членов от политики давления на Китай. Реакция этих стран зависит от исторического периода демократизации страны, уровня экономического развития и давления со стороны КНР. Поэтому бывшие страны соцлагеря и страны с невысоким подушевым ВВП проявляют большую лояльность по отношению к КНР. В этом разнородном Евросоюзе хором Европейский союз пытается обеспечить основу для постоянной координации действий, передавая спорные

вопросы на рассмотрение органам ЕС, и таким образом гармонизировать европейскую внешнюю политику по отношению к КНР.

Китай, основываясь на своем растущем экономическом и политическом влиянии, стремится усилить пропаганду достоинств своей политической системы и добиться одобрения ЕС во внешней политике. Концепция мягкой силы Китая включает поощрение индивидуального предпринимательства и одновременно коллективистских ценностей «большой китайской семьи», а также идеи конфуцианства, которые гармонично сочетаются с идеологией социализма и позволяют улучшить имидж государства, легитимизировав авторитарную власть КПК [15].

Для достижения своих интересов Китай в большей степени полагается на финансовые рычаги, эффективно воздействуя на деловые и научные круги стран Европы, включая мозговые центры, базирующиеся в Брюсселе, приглашенных европейских ученых, специализирующихся на китайской проблематике, и Институт Китая Центральной и Восточной Европы в Венгрии, который борется за получение китайского финансирования.

Благосклонная политика отдельных стран Европейского союза по отношению к Китаю может объясняться не только денежными мотивами, но и евроскептицизмом (Румыния), идеологическими интересами правящей партии (Венгрия), возникающими разногласиями внутри Евросоюза, которые Китай пытается использовать как рычаг для политического давления на его институты.

Вместе с тем власти ЕС обеспокоены тем, что некоторые европейские страны, используя китайские займы и попадая в китайскую ловушку кредитного империализма, могут повысить общеевропейский уровень государственного долга и усилить рост экономической зависимости от КНР, конвертировав в дальнейшем невозвратные долги в акции европейских компаний [1].

Представленный в странах Центральной и Восточной Европы Национальный фонд демократии США (National Endowment for Democracy) обвиняет КНР в использовании острой силы (*sharp power*) как разновидности жесткой силы, включающей в свой инструментарий взятки, цензуру, манипулирование и принуждение для оказания давления на другие страны [2]. В целом же проводимые исследования показали, что политические ценности Китая оцениваются европейским обществом и элитами негативно.

Расширению ЕС в будущем будут способствовать два фактора:

- надежда европейского бизнеса на получение китайских инвестиций;
- недовольство государств-членов чрезмерным вмешательством институтов ЕС в их внутренние дела.

Таков общий экономико-политический контекст, в котором разрабатывалось новое инвестиционное законодательство ЕС по контролю ПИИ из третьих стран.

Краткий обзор новой системы скрининга ПИИ

Рамочный Регламент о создании системы проведения скрининга (фильтрации) ПИИ стран ЕС, принятый Европейским парламентом и Европейским советом, включает 38 разъясняющих пунктов преамбулы и 17 статей Регламента 2019/452, которые содержат общее обоснование мотивов разработки данного документа и описание будущего механизма отбора. Данный Регламент, не нарушая принципов поддержания открытой инвестиционной среды и обязательств, принятых ЕС в рамках Договора о Европейском союзе, Договора о функционировании Европейского союза (ДФЕС) (ст. 346), ВТО, ОЭСР, а также других торгово-инвестиционных соглашений с третьими странами, направлен на продвижение европейских интересов и ценностей в части, касающейся поддержания системы безопасности и общественного порядка.

Ограничительные меры, прописанные в Регламенте, затрагивают исключительно регулирование притока прямых иностранных инвестиций, поступающих извне ЕС, исключая другие формы движения капитала.

Данный Регламент будет реализован в рамках компетенций общей торговой политики Евросоюза, зафиксированных в статье 3 ДФЕС. Необходимость его разработки обусловлена отсутствием координации и полномасштабного сотрудничества между странами – членами ЕС в сфере мониторинга ПИИ в условиях, когда механизмы такого мониторинга уже действуют в странах – крупнейших партнерах Евросоюза, США и КНР (п. 5 преамбулы Регламента).

Как заявляют разработчики Регламента, он не направлен исключительно против китайских инвесторов, однако вся подготовительная аналитическая работа европейских мозговых центров свидетельствует об обратном.

Рамочный Регламент ЕС предполагает введение общего для всех стран-членов механизма отбора (скрининга) ПИИ из третьих стран, который включает ряд процедур:

1. Поступающие в экономику государства – члена ЕС инвестиции должны быть проверены на соответствие общим критериям национальной безопасности (факторам), разработанным на уровне ЕС на основе сбора необходимой информации и с использованием национального механизма скрининга.

2. Вся собранная информация вводится в общую базу данных.

3. В случае если ПИИ затрагивают интересы других стран ЕС, то последние получают право на самостоятельное рассмотрение их целесообразности с точки зрения безопасности или передачи этого вопроса на уровень Европейской комиссии.

4. Институты Европейской комиссии с учетом интересов двух или более стран (общеввропейские проекты) проводят соб-

ственное расследование и согласование со всеми заинтересованными сторонами (включая страны – доноры ПИИ), формулируют рекомендации, принимая во внимание выявленные риски и негативные последствия для всех сторон процесса согласования.

Конечное решение об инвестировании после завершения скрининга принимает страна-реципиент. По итогам принятия странами скрининговых решений Европейская комиссия публикует ежегодные отчеты и вносит изменения в процедуру скрининга (рис. 5).

Рис. 5. Основные элементы системы скрининга прямых иностранных инвестиций ЕС

Первое, на что необходимо обратить внимание, – это желание разработчиков обеспечить гибкость имплементации Регламента (п. 8). Предлагаемая система мониторинга не предусматривает отказ от уже применяемых отдельными странами национальных механизмов мониторинга прямых иностранных инвестиций, а рекомендует принимать во внимание конкрет-

ные ситуации вложения инвестиций и национальную специфику и оставляет исключительное право за каждым государством Евросоюза нести ответственность за принятие окончательного скринингового решения.

Второй момент – рекомендация о создании механизмов, которые смогли бы препятствовать уходу от процедуры отбора ПИИ и решения по каждой сделке. Отметим, что общие правила механизма в документе не прописаны.

Третьим аспектом является вопрос о степени обоснованности принятия решения по скринингу. В пунктах 11–13 преамбулы указывается, что оценка риска для системы безопасности и общественного порядка со стороны ПИИ должна быть основана на списке факторов, оказывающих негативное влияние на критическую инфраструктуру, чувствительные технологии и ресурсы, который в последующем может дополняться.

Факторы риска национальной безопасности включают:

- возможность доступа иностранного государства к прорывным и поддерживающим технологиям, технологиям двойного назначения, в том числе разработкам по искусственному интеллекту, робототехнике, кибербезопасности и др.;
- потерю контроля над критически важной инфраструктурой, включая энергетику, транспорт, водные ресурсы, коммуникации, СМИ, космос, оборону и др.;
- нарушение конкуренции путем использования иностранными инвесторами государственного финансирования и продвижения стратегических интересов страны-донора через участие в государственных проектах и программах и др. (ст. 6).

Четвертый аспект касается сложности и многовариантности процедуры согласования принятия решения в ходе проведения скрининга между страной, принимающей ПИИ (обозначим ее *A*), страной – членом ЕС, заинтересованной в проведении процедуры фильтрации (*B*), страной – донором ПИИ (*C*) и Европейской комиссией

(D), представляющей общие интересы Европейского союза.

Проанализировав роль Европейской комиссии в процедуре скрининга, можно выделить как минимум пять случаев, по которым она должна провести координацию действий стран и/или организовать собственное расследование, а затем выразить мнение о целесообразности ПИИ:

- 1) по запросу страны А;
- 2) в случае получения информации о согласовании между А и В;
- 3) при инициировании собственного запроса по конкретной инвестиции в А;
- 4) в случае конкуренции между В и С по поводу покупки актива в А;
- 5) когда прямые инвестиции С затрагивают программы и проекты общего интереса ЕС (D) с точки зрения экономического роста, создания рабочих мест и поддержания конкурентоспособности.

Помимо этого, предполагается разработка процедур согласования не проходящих скрининг ПИИ, а также инвестиций, затрагивающих интересы третьих стран. Уточним, что для поддержания баланса интересов в пятом случае Европейской комиссии необходимо обеспечить принятие коллективного решения путем проведения консультаций в собственных экспертных комиссиях и систематических встреч экспертов, представляющих интересы различных стран – членов ЕС, с экспертными группами ЕК.

Пятый аспект – это временные рамки проведения различных процедур, которые должны быть четко разработаны в процессе имплементации Регламента. В принятом документе обозначены лишь сроки наиболее общих моментов:

1. Введение в силу Регламента 10 апреля 2019 г., что гарантирует неприменение его к завершенным ПИИ до этого срока.
2. Уведомление странами – членами ЕС о действующих национальных механизмах скрининга до 10 мая 2019 г.
3. Обмен различного рода информацией в течение 15–50 дней с даты совершения конкретного действия согласно процедуре.

4. Применение Регламента всеми странами – членами ЕС с 11 октября 2020 г.

5. Рассмотрение ЕК совершенных ПИИ, не прошедших скрининг, в течение не более 15 месяцев после завершения инвестирования.

6. Ежегодная публикация отчета ЕК о проведении скрининга.

7. Ежегодно 31 марта предоставление странами – членами ЕС агрегированной информации об объемах и фильтрации ПИИ, включая принятые по ним решения и изменения механизма мониторинга ПИИ (ст. 5).

8. Пересмотр системы мониторинга ПИИ каждые пять лет начиная с 2023 г. (ст. 15).

Проблемы имплементации механизма скрининга ПИИ

Анализ предлагаемой процедуры проведения скрининга ПИИ, согласно принятому рамочному Регламенту ЕС, позволяет предположить, что имплементация данного закона может породить целый ряд проблем.

1. Перечень требований к структуре предоставляемой информации о вложенных в экономику Евросоюза внешних планируемых или завершенных ПИИ свидетельствует об особой озабоченности европейского регулятора относительно инвестиций, включающих государственное финансирование в форме субсидий (п. 23), а также в случаях, когда реципиент ПИИ не может получить необходимую релевантную информацию и вынужден обратиться с запросом в ЕК, которая, в свою очередь, будет запрашивать ее из других стран – членов ЕС или третьих стран (п. 24). Из этого вытекает ряд трудностей по имплементации данного регулирования, связанных со сложностью установления реальных собственников или управляющих предприятий, находящихся на территории ЕС. Как зафиксировано в годовом докладе о мировых инвестициях ЮНКТАД в 2016 г. «Гражданство инвесторов: вызовы политики», данная проблема

имеет глобальный характер. В экспертном докладе утверждается, что более 40% зарубежных филиалов имеют гражданство в нескольких странах, в среднем в трех юрисдикциях. Такое одновременное владение несколькими паспортами является следствием косвенного иностранного участия в собственности предприятия, транзита капитала через третьи страны и возвращения отечественных ПИИ, имеющих внешнюю форму иностранных инвестиций¹.

2. Опыт Бельгии в сфере привлечения китайских ПИИ в ветровую энергетику показал, что продажа активов зарубежному инвестору не всегда сопровождается передачей полного контроля над объектом собственности. Например, происходит сохранение управляющей функции первоначального владельца над операционной деятельностью отчужденного объекта, как в случае с наземной ветряной фермой Estinnes, проданной в 2016 г. бельгийской компанией WindVision китайской China General Nuclear Power Corporation (CGN).

3. На создание общей системы мониторинга ПИИ и обеспечение согласованной работы всех институциональных элементов в Регламенте отводится 18 месяцев. Отдельные элементы этой системы уже созданы, включая комиссию по скринингу ПИИ в ЕС (Решение ЕК от 29 ноября 2017 г.) и национальные скрининговые механизмы в большинстве стран ЕС. В ряде стран, например, Германии, Франции, Италии, Латвии, Литве и Великобритании, системы отбора ПИИ прошли обновление в 2017–2018 гг. и функционируют, в других – находятся на разных стадиях формирования [20]. Однако для эффективного обмена информацией и сохранения конфиденциальности необходимо создание системы контактных пунктов во всех странах – членах ЕС, что потребует значительных организационных, финансовых и технологических усилий, поэтому временные

рамки создания общей системы скрининга могут быть расширены.

4. В документе отсутствует описание единого механизма обжалования принятых решений по запрету ПИИ (обозначена только необходимость в его создании) и процедуры повторного рассмотрения сделок, что может вызвать многочисленные споры и противоречия как внутри ЕС, так и при взаимодействии с третьей стороной.

5. В Регламенте не прописан алгоритм принятия решений еще по двум важным процедурам скрининга ПИИ в случае препятствия прохождению процедуры отбора и заключения международных соглашений с третьими странами. Подобная работа требует не только координации совместных усилий со странами – членами ЕС и различными экспертными группами ЕК, включая группу по системным вопросам, но и установления соответствующих процедур обмена информацией со странами-донорами о существующих в них процедурах мониторинга ПИИ. Вызывает сомнение, сможет ли ЕС создать в намеченные сроки эффективно функционирующую структуру скрининга и не приведет ли вовлечение большего объема информационных обменов и расширение оперативного доступа к получаемой информации большего количества заинтересованных участников к противоположному результату – снижению уровня национальной безопасности стран ЕС.

6. Система фильтрации прямых иностранных инвестиций предусматривает параллельное проведение пяти процедур согласования: 1) ПИИ, проходящих скрининг; 2) ПИИ, не проходящих проверку; 3) ПИИ общего интереса, 4) ПИИ, требующих согласования с третьими странами; 5) ПИИ, требующих повторного согласования. Очевидно, что такое количество различных бюрократических согласований существенно усложняет работу всей системы в целом и потребует огромных временных затрат.

Ограничения, заложенные в систему инвестиционного скрининга ЕС, вклю-

¹ URL: <https://unctad.org/en/pages/PublicationWebflyer.aspx?publicationid=1555> (дата обращения: 21.01.2020).

чая его рекомендательный характер для стран – членов ЕС, игнорирование других критериев (помимо рисков для национальной безопасности общественного порядка), исключение таких форм ПИИ, как создание новых объектов и портфельных инвестиций, свидетельствуют об уязвимости создаваемой системы. Вместе с тем усложнение правил регулирования притока ПИИ в ЕС станут лишь первым шагом на пути к более широкому пересмотру европейской политики в отношении торговли и инвестиций с третьими странами, прежде всего с Китаем.

Дебаты, проводимые в рамках ЕС, доказывают, что некоторые европейские лидеры готовы продолжить реформы в таких сферах, как экспортный контроль для технологий двойного назначения и критически важных технологий, правила безопасности данных, конфиденциальности и проведения закупок, а также конкурентная политика. Намерение ЕС объединить усилия по этим вопросам с другими странами ОЭСР является одним из вызовов для китайских инвесторов в Европе [20].

Учитывая наличие существующей асимметрии между закрытостью Китая и открытостью Европы, четкой идентификации Китая как системного соперника ЕС, продвигающего альтернативные пути управления государством и экономикой, можно предположить, что реализация данного регулирования подтолкнет Китай выполнить достигнутые договоренности в рамках принятой в апреле 2019 г. совместной декларации на саммите ЕС – Китай, включая отказ от государственных субсидий китайским промышленным предприятиям и принуждение иностранных фирм передавать китайским компаниям технологии в обмен на доступ европейских фирм на рынок КНР, а также неприменение дискриминационных требований и практики в отношении иностранных инвесторов.

Ужесточение контроля над китайскими инвесторами, вполне вероятно, ускорит подписание всеобъемлющего инвестици-

онного соглашения между ЕС и КНР, запланированного на 2020 г.

Представленные нами аргументы согласуются с мнением экспертов Фонда Карнеги, которые полагают, что в условиях нехватки кадров, сохранения зависимости от внешних источников информации и трудностей с выявлением критически значимых технологий Европа не в состоянии четко сформулировать и реализовать процесс инвестиционного контроля [21].

Влияние новых регуляторных принципов привлечения ПИИ в ЕС на развитие российско-европейского инвестиционного сотрудничества

Оценить влияние нового механизма регулирования ЕС на третьи страны достаточно сложно. Как отмечает член-корреспондент РАН С. А. Афонцев, в настоящее время существует неопределенность развития механизмов глобального управления экономическими процессами, которые на протяжении последних десятилетий способствовали уменьшению барьеров экономического международного взаимодействия, и в то же время наблюдается тенденция к подмене многосторонних подходов в сфере экономического регулирования односторонними, что является значимым вызовом для мирохозяйственного развития [1].

Важно также учесть, что понятие безопасности становится все более размытым. Помимо военной сферы к ней относят и другие области общественной жизни. Такой подход стирает специфику понятия безопасности, девальвируя ее критерии и возможности адекватной оценки [2].

Методической основой для анализа влияния принятых новых правил скрининга прямых иностранных инвестиций на развитие инвестиционного сотрудничества России и ЕС может стать концепция стрессоустойчивости (*resilience*), рассматриваемая в рамках Глобальной стратегии безопасности ЕС (2016). Анализ данной концепции в отношении России дан в работах российских ученых Т. А. Романовой и Е. Б. Павловой [16]. Авторы приходят к

неутешительным выводам, что ЕС ассоциирует стрессоустойчивость исключительно с системой угроз в рамках стратегического вызова, исходящего от Российской Федерации, включая нарушение стабильности снабжения энергоресурсами, использование фейковых новостей и стратегической коммуникации, кибербезопасность, применение химического оружия, а также непропорциональную деятельность спецслужб [16. – С. 102–109].

В своем стремлении нейтрализовать перечисленные виды угроз ЕС использует два основных подхода:

- геополитический (реальный) – снижение угроз за счет минимизации коммуникаций с контрагентом, от которого исходит угроза (изоляции);
- рыночный (либеральный) – включение угрожающего объекта в орбиту европейского регулирования и контроля над ним в сфере международных экономических отношений.

На практике третьи страны, как правило, инкорпорируются в пространство ЕС неравномерно, в зависимости от сферы угрозы, времени и позиции стран-членов [16. – С. 105–108].

Используя оба подхода к построению отношений с Россией, Европейский союз будет пытаться интегрировать свои нормы и правила инвестиционного контроля в правовую систему Российской Федерации путем двусторонних или глобальных договоров, но одновременно минимизировать свои коммуникации, сохраняя частичную изоляцию. Исследователи не видят предпосылок для пересмотра данного подхода со стороны Евросоюза ни в средне-, ни в долгосрочной перспективе.

В то же время мы наблюдаем, как ЕС продолжает углубление сотрудничества с другими азиатскими странами, тем самым ослабляя одностороннюю зависимость от КНР. В 2010–2018 гг. заключены соглашения по созданию зон свободной торговли с Южной Кореей, Сингапуром и Японией, в 2019 г. – соглашение о партнерстве с Индией [9].

Отметим, что в ситуации частичной закрытости и враждебности Европейского союза по отношению к России известный российский экономист Н. П. Шмелев видит и плюсы, указывая, что это противостояние объективно вызвано тем, что у России и остальной Европы в настоящее время разные задачи. Полная открытость для нашей страны долго еще будет оставаться слишком опасной, до тех пор, пока Россия не избавится от своей исторической специфики и не станет фактически ничем не отличимой от других частей общей системы европейского разделения труда. Ключевой проблемой инвестиционного сотрудничества со странами Малой Европы, полагает Н. П. Шмелев, является восстановление доверия к Российской Федерации [19].

Вместе с тем эти рассуждения не опровергают факта, что российско-европейские интересы будут и далее сохранять долгосрочный взаимовыгодный характер. Все прогнозы свидетельствуют о том, что Россия при использовании эффективной ценовой стратегии и политики расширения производства сжиженного природного газа сможет сохранить около трети газового рынка Европы [14].

Сегодня интерес к сотрудничеству с Россией снижается как вследствие действия западных санкций, так и по причине развития ее внутренних «хронических болезней», таких как бюрократия, коррупция, высокие административные барьеры, несовершенство законодательства в финансовой сфере, отсутствие справедливой конкуренции, включая практику вытеснения иностранных компаний из стратегических отраслей, и др. [8].

Генезисом формирования этих недугов стали специфические черты российской системы государственно-олигархического капитализма, отмечаемые членом-корреспондентом РАН Р. И. Хасбулатовым:

- высокая монополизация;
- сращивание монополистических отраслей с государственной, административной и муниципальной властями;

- непрерывно растущий фискально-налоговый прессинг на средний и малый бизнес;

- отсутствие кооперативных форм предпринимательства и др. [18].

В долгосрочной перспективе интенсивность применения и направленность инвестиционного регулирования ЕС будут зависеть от того, какую конфигурацию примет противостояние трех мировых субъектов – США, ЕС и России – и как скоро США и Европейский союз откажутся от экономического и политического давления на Российскую Федерацию.

Среди пяти возможных вариантов развития событий эксперты Института Европы РАН выделяют:

- сближение ЕС и России благодаря стратегически ориентированному, более развитому ядру стран ЕС;

- продолжение противостояния России и Евросоюза, непрекращающегося сближение с США;

- перезагрузку отношений США и Российской Федерации при снижении привлекательности интеграционной модели Европейского союза и нарастании глобальных проблем;

- рост взаимодействия между тремя странами на фоне сближения интересов Российской Федерации и США (или России и Евросоюза) в условиях укрепления военной и экономической мощи КНР;

- доминирование центробежных сил между тремя глобальными акторами при усилении Российской Федерацией восточного стратегического вектора [3].

Для России наиболее благоприятным сценарием является первый. Несмотря на колоссальное напряжение в двусторонних отношениях, утверждает Н. В. Павлов, Европейский союз имеет два мощных стимула для разворота в сторону России:

- экономическую незаменимость Российской Федерации;

- эвентуальную роль России в политико-экономическом противостоянии между Брюсселем и Вашингтоном [11].

Наиболее реалистичным представляется второй вариант развития событий – продолжение противостояния России и стран Европейского союза, что сдержит развитие их торгового и технологического обмена. Это подтверждают заявления Урсулы фон дер Ляйен (главы Европейской комиссии) об усилении геополитической роли ЕС как полноценного игрока, способного формировать мировой порядок и отказаться от борьбы для того, чтобы объединить усилия Евросоюза и США в целях противостояния общим противникам, а также отстаивать сохранение санкций против Кремля, который, по ее словам, «не прощает слабости».

По мнению Г. Киссинджера, сама Европа еще не определилась с выбором, но предупреждает, что, лишенная контакта с США, она может сделаться придатком Азии и Ближнего Востока [6].

Результаты исследований Цзэн Цзинхана многих китайских научных публикаций свидетельствуют о том, что КНР явно или неявно предлагает китайскую версию нового типа биполярных отношений, в которых международная система в основном регулируется США и Китаем, а Европа и Россия играют второстепенную роль. Сам автор исследования полагает, что возрастающая диверсификация интересов КНР заставит ее руководство перейти от упрощенной дипломатии, ориентированной на великие державы, к более всеобъемлющей [23].

Выводы

Реформирование инвестиционного законодательства Евросоюза происходит в неблагоприятных для него условиях ослабления экономической динамики и интеграционного единства, необходимости глубокого реформирования финансовой системы, нарастания конкурентной борьбы между основными центрами силы и появления многочисленных угроз исторической идентичности, что вносит неопределенность в геополитические перспективы ЕС.

В этом контексте возрастает роль политических ценностей ЕС, которые следует рассматривать в более широком аспекте формирования нормативной базы международного порядка. Рост инвестиционного присутствия Китая как восходящей супердержавы в экономике и информационном пространстве Европейского союза может иметь как негативные, так и позитивные последствия для Европы.

Выстраивание общей инвестиционной стратегии ЕС сталкивается с тремя основными препятствиями: приоритетом у государств-членов их собственных экономических интересов, фрагментированной политикой ЕС и растущей активностью КНР по продвижению своих экономических интересов и преимуществ политической модели на основе широкого государственного финансирования, что в совокупности порождает риски национальной безопасности ЕС.

Выявленный в ходе проведенного анализа спектр противоречий процесса имплементации общего инвестиционного регулирования ЕС свидетельствует о том, что создание эффективной системы скрининга прямых иностранных инвестиций станет большим вызовом для Европейского союза. Принятие этого закона является не только углублением экономической и финансовой интеграции ЕС, но и еще одним шагом на пути передачи из ведения национальных государств вопросов формирования внешнеполитического курса на наднациональный уровень, который позволит в будущем сделать внешнеполитическую деятельность Евросоюза равнозначной единому голосу еврозоны в Международной валютной системе.

Для придания устойчивости интеграционному процессу в долгосрочной перспективе Европейскому союзу предстоит завершить реформирование финансовой системы и приступить к реформе методов принятия решений [10].

Анализ долгосрочных сценариев развития диалога США – ЕС – Россия не дает оснований говорить об изменении каче-

ства российско-европейских отношений. Введение в действие механизма скрининга ЕС приведет к тому, что приток российских прямых иностранных инвестиций в Европейский союз (накопленный объем которых незначителен по сравнению с другими донорами) может существенно замедлиться в силу сложности принимаемых процедур отбора и в связи с тем, что Евросоюз, рассматривая Россию как источник многих угроз безопасности, будет стремиться минимизировать коммуникации и не рассматривать нашу страну как активного субъекта разработки инвестиционных правил.

Вместе с тем изучение новой системы отбора ПИИ важно для Российской Федерации в целях выстраивания долгосрочных экономических и политических отношений со странами ЕС и (исходя из целесообразности использования европейского опыта) формирования подобной системы контроля в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в условиях повышения Китаем экономической активности на территории СНГ.

Достаточно отметить, что китайские ПИИ в Беларусь, показывая постоянную тенденцию роста, в 2015–2018 гг. увеличились с 77,7 до 190,1 млн долларов¹, тогда как приток российских инвестиций имеет тенденцию к сокращению и, несмотря на значительный рост в 2018 г. до 646 млн долларов², не достиг уровня 2015 г.

В заключение необходимо подчеркнуть, что так же, как и в странах Евросоюза, Китай использует в отношении стран – партнеров России по ЕАЭС стратегию выстраивания независимых двусторонних отношений, что в ближайшем будущем может привести к столкновению интересов российских и китайских инвесторов, а также ослабить экономическое влияние России на всем евразийском пространстве.

¹ URL: <http://china.mfa.gov.by/ru/bilateral/credinvest/> (дата обращения: 15.01.2020).

² URL: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs (дата обращения: 15.01.2020).

Список литературы

1. Афонцев С. А. Новые тенденции в развитии мировой экономики // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т. 63. – № 5. – С. 36–46.
2. Барановский В. Г. Новый миропорядок: преодоление старого или его трансформация? // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т. 63. – № 5. – С. 7–23.
3. Большая Европа. Идеи, реальность, перспективы : коллективная монография / под ред. Ал. А. Громыко, В. П. Фёдорова. – М. : Весь Мир : Ин-т Европы Российской акад. наук, 2014.
4. Громыко Ал. А. Большая Европа: внутренние и внешние угрозы безопасности : аналитический доклад / Ин-т Европы Российской акад. наук. – М., 2017.
5. Европа XXI века. Новые вызовы и риски : коллективная монография. – М. ; СПб. : Нестор-История, 2017.
6. Киссинджер Г. Мировой порядок : пер. с англ. – М. : АСТ, 2018.
7. Китай в мировой экономике и международном бизнесе : монография / под науч. ред. Р. И. Хасбулатова, С. В. Ивановой. – М. : ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова». 2019.
8. Кондратьева Н. Б. Инвестиционная политика России: смена проблем и приоритетов // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62. – № 1. – С. 123–127.
9. Молий Г. М., Акимов А. А., Разумнова Л. Л. ЕС на пути к новой стратегии инвестиционного сотрудничества с Китаем // Управление экономическими системами. – 2019. – № 4 (122). – URL: <http://uecs.ru/demografiya/item/5457-2019-04-08-07-37-42> (дата обращения: 10.02.2020)
10. Новосад Т. А. Механизмы принятия решений в ЕС: современные тенденции // Современная Европа. – 2019. – № 3. – С. 190–196.
11. Павлов Н. В. Германия – Россия – ЕС: треугольник сотрудничества или противоречий? // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т. 63. – № 5. – С. 67–75.
12. Пищик В. Я., Кузнецов А. В., Алексеев П. В. Европейский экономический и валютный союз: 20 лет спустя // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т. 63. – № 9. – С. 76–85.
13. Разумнова Л. Л., Гладков И. С. Китайские инвестиции в странах Европейского союза: кейс WINDVISION/CGN // Актуальные вопросы современной науки : материалы Международной научно-практической конференции. 20 ноября 2019 г. : в 3 ч. – Ч. 2. – Уфа, 2019. – С. 136–143.
14. Разумнова Л. Л., Лисовская Е. Г. Инновационная стратегия сырьевых компаний в условиях неопределенности на европейском рынке газа (на примере ПАО «Газпром») // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. – 2018. – № 6 (102). – С. 199–213.
15. Разумнова Л. Л., Мигалева Т. Е. Рост политического и экономического влияния Китая в современном мире: плюрализм мнений // Международная торговля и торговая политика. – 2019. – № 4 (20). – С. 42–63.
16. Романова Т. А., Павлова Е. Б. Стрессоустойчивость в Евросоюзе и Россия: суть и перспективы новой концепции // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т. 63. – № 6. – С. 102–109.
17. Фёдоров В. П. Германия: оптимизация Европы // Современная Европа. – 2018. – № 3 (82). – С. 5–15.
18. Хасбулатов Р. И. Развитие капитализма в России. Второе пришествие: 1989-2016 гг. : в 2 кн. – Кн. 2. – М. : ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова», 2017.

19. Шмелев Н. П. В поисках здравого смысла. Двадцать лет российских экономических реформ. – М. : Весь Мир, 2009.

20. Chinese FDI In Europe: 2018 Trends and Impact of New Screening Policies. – URL: <https://rhg.com/wp-content/uploads/2019/03/RHG-MERICS-COFDI-Update-2019.pdf> (дата обращения: 20.01.2020).

21. Godement F., Vasselier A. China at the Gates: A New Power Audit of EU-China Relations. – URL: <https://carnegieendowment.org/2017/12/01/china-at-gates-new-power-audit-of-eu-china-relations-pub-74919> (дата обращения: 20.12.2019).

22. Hurley J., Morris S., Portelance G. Examining the Debt Implications of the Belt and Road Initiative from a Policy Perspective. – URL: <https://www.cgdev.org/publication/examining-debt-implications-belt-and-road-initiative-policy-perspective> (дата обращения: 15.02.2020).

23. Jinghan Z. Europe's Protectionist Position on the Belt and Road Initiative and Its Influence // Journal of Common Market Studies. – 2017. – Vol. 55. – N 5.

24. Lechner T. European Security and Autocratic Consolidation. – URL: <http://www.sant.ox.ac.uk/university-consortium/analysis/european-security-and-autocratic-consolidation> (дата обращения: 15.12.2019).

25. Razumnova L. L., Migaleva T. E., Podbiralina G. V. "Soft power" of the Shanghai Cooperation Organization // Materials of the International Conference "Scientific Research of the SCO Countries: Synergy and Integration" / Minzu University of China. – Beijing, Scientific Publishing House Infinity, 2019. – P. 24–35.

26. Sharp Power: Rising Authoritarian Influence. – URL: <https://www.ned.org/sharp-power-rising-authoritarian-influence-forum-report> (дата обращения: 17.12.2019).

27. Zuokui Liu. Europe's Protectionist Position on the Belt and Road Initiative and Its Influence // China International Studies. – 2018. – September/October.

References

1. Afontsev S. A. Novye tendentsii v razvitii mirovoy ekonomiki [New Trends in the Development of Global Economy]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [Global Economy and International Relations], 2019, Vol. 63, No. 5, pp. 36–46. (In Russ.).

2. Baranovskiy V. G. Novyy miroporyadok: preodolenie starogo ili ego transformatsiya? [New Global Order: Overcoming the Old or its Transformation?]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [Global Economy and International Relations], 2019, Vol. 63, No. 5, pp. 7–23. (In Russ.).

3. Bolshaya Evropa. Idei, realnost, perspektivy, kollektivnaya monografiya [Great Europe. Ideas, Reality, Prospects, collective monograph], edited by Al. A. Gromyko, V. P. Fedorov. Moscow, Ves Mir, The Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, 2014. (In Russ.).

4. Gromyko Al. A. Bolshaya Evropa: vnutrennie i vneshnie ugrozy bezopasnosti, analiticheskiy doklad [Greater Europe: Internal and External Security Threats. Analytical Report], The Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. Moscow, 2017. (In Russ.).

5. Evropa XXI veka. Novye vyzovy i riski, kollektivnaya monografiya [Europe of the XXI century. New Challenges and Risks, collective monograph]. Moscow, Saint Petersburg, Nestor-Istoriya, 2017. (In Russ.).

6. Kissindzher G. Mirovoy poryadok [World Order], translated from English. Moscow, AST, 2018. (In Russ.).

7. Kitay v mirovoy ekonomike i mezhdunarodnom biznese, monografiya [China in Global Economy and International Business: monograph], edited by R. I. Khasbulatov, S. V. Ivanova. Moscow, The Russian Plekhanov University of Economics, 2019. (In Russ.).

8. Kondrateva N. B. Investitsionnaya politika Rossii: smena problem i prioritetrov [Investment Policy in Russia: Changing Problems and Priorities]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [Global Economy and International Relations], 2018, Vol. 62, No. 1, pp. 123–127. (In Russ.).
9. Moliy G. M., Akimov A. A., Razumnova L. L. ES na puti k novoy strategii investitsionnogo sotrudnichestva s Kitaem [The EU on the Way to New Strategy of Investment Cooperation with China]. *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami* [Managing Economic Systems], 2019, No. 4 (122). (In Russ.). Available at: <http://uecs.ru/demografiya/item/5457-2019-04-08-07-37-42> (accessed 10.02.2020)
10. Novosad T. A. Mekhanizmy prinyatiya resheniy v ES: sovremennye tendentsii [Decision-Making Mechanisms in the EU: Current Trends]. *Sovremennaya Evropa* [Today's Europe], 2019, No. 3, pp. 190–196. (In Russ.).
11. Pavlov N. V. Germaniya – Rossiya – ES: treugolnik sotrudnichestva ili protivorechiy? [Germany – Russia – the EU: the Triangle of Collaboration or Contradictions?]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [Global Economy and International Relations], 2019, Vol. 63, No. 5, pp. 67–75. (In Russ.).
12. Pishchik V. Ya., Kuznetsov A. V., Alekseev P. V. Evropeyskiy ekonomicheskiy i valyutnyy soyuz: 20 let spustya [European Economic and Monetary Union: 20 years later]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2019, Vol. 63, No. 9, pp. 76–85. (In Russ.).
13. Razumnova L. L., Gladkov I. S. Kitayskie investitsii v stranakh Evropeyskogo soyuza: keys WINDVISION/CGN [Chinese Investments in European Union Countries: WINDVISION/CGN case study]. *Aktualnye voprosy sovremennoy nauki, materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. 20 noyabrya 2019 g.* [Actual Issues of Modern Science, materials of the International scientific-practical conference. November 20, 2019], in 3 parts. Part 2. Ufa, 2019, pp. 136–143. (In Russ.).
14. Razumnova L. L., Lisovskaya E. G. Innovatsionnaya strategiya syrevykh kompaniy v usloviyakh neopredelennosti na evropeyskom rynke gaza (na primere PAO «Gazprom») [Innovation Strategy of Raw Material Companies in Conditions of Uncertainty on European Gas Market (illustrated by 'Gazprom')]. *Vestnik Rossiyskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G. V. Plekhanova* [Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics], 2018, No. 6 (102), pp. 199–213. (In Russ.).
15. Razumnova L. L., Migaleva T. E. Rost politicheskogo i ekonomicheskogo vliyaniya Kitaya v sovremennom mire: plyuralizm mneniy [The rise of China's Political and Economic Influence in the Modern World: Pluralism of Opinions]. *Mezhdunarodnaya trgovlya i trgovaya politika* [International Trade and Trade Policy], 2019, No. 4 (20), pp. 42–63. (In Russ.).
16. Romanova T. A., Pavlova E. B. Stressoustoychivost v Evrosoyuze i Rossiya: sut i perspektivy novoy kontseptsii [Stress-Resistance in the EU and Russia: the Essence and Prospects of the New Concept], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [Global Economy and International Relations], 2019, Vol. 63, No. 6, pp. 102–109. (In Russ.).
17. Fedorov V. P. Germaniya: optimizatsiya Evropy [Germany: optimization of Europe]. *Sovremennaya Evropa* [Modern Europe], 2018, No. 3 (82), pp. 5–15. (In Russ.).
18. Khasbulatov R. I. Razvitie kapitalizma v Rossii. Vtoroe prishestvie: 1989-2016 gg. [The Development of Capitalism in Russia. The Second Advent: 1989–2016], in 2 books. Book 2. Moscow, The Russian Plekhanov University of Economics, 2017. (In Russ.).
19. Shmelev N. P. V poiskakh zdravogo smysla. Dvadtsat let rossiyskikh ekonomicheskikh reform [In Search for Common Sense. Twenty Years of Russian Economic Reforms]. Moscow, Whole World, 2009. (In Russ.).

20. Chinese FDI In Europe: 2018 Trends and Impact of New Screening Policies. Available at: <https://rhg.com/wp-content/uploads/2019/03/RHG-MERICS-COFDI-Update-2019.pdf> (accessed 20.01.2020).
21. Godement F., Vasselier A. China at the Gates: A New Power Audit of EU-China Relations. Available at: <https://carnegieendowment.org/2017/12/01/china-at-gates-new-power-audit-of-eu-china-relations-pub-74919> (accessed 20.12.2019).
22. Hurley J., Morris S., Portelance G. Examining the Debt Implications of the Belt and Road Initiative from a Policy Perspective. Available at: <https://www.cgdev.org/publication/examining-debt-implications-belt-and-road-initiative-policy-perspective> (accessed 15.02.2020).
23. Jinghan Z. Europe's Protectionist Position on the Belt and Road Initiative and Its Influence. *Journal of Common Market Studies*, 2017, Vol. 55, No. 5.
24. Lechner T. European Security and Autocratic Consolidation. Available at: <http://www.sant.ox.ac.uk/university-consortium/analysis/european-security-and-autocratic-consolidation> (accessed 15.12.2019).
25. Razumnova L. L., Migaleva T. E., Podbiralina G. V. "Soft power" of the Shanghai Cooperation Organization. *Materials of the International Conference "Scientific Research of the SCO Countries: Synergy and Integration"*. Minzu University of China. Beijing, Scientific Publishing House Infinity, 2019, pp. 24–35.
26. Sharp Power: Rising Authoritarian Influence. Available at: <https://www.ned.org/sharp-power-rising-authoritarian-influence-forum-report> (accessed 17.12.2019).
27. Zuokui Liu. Europe's Protectionist Position on the Belt and Road Initiative and Its Influence. *China International Studies*, 2018, September/October.

Сведения об авторах

Людмила Львовна Разумнова

доктор экономических наук, профессор
кафедры мировой экономики
РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический
университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: razumnova2003@yandex.ru

Татьяна Евгеньевна Мигалева

кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник лаборатории
динамики мировой экономики
РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический
университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: migaleva08@rambler.ru

Information about the authors

Lyudmila L. Razumnova

Doctor of Economics, Professor
of the Department for World Economy
of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University
of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: razumnova2003@yandex.ru

Tatiana E. Migaleva

PhD, Leading Researcher of the Laboratory
of Global Economy Dynamic
of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University
of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997,
Russian Federation.
E-mail: migaleva08@rambler.ru